

Т.А. Богумил

АЛТАЙ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ В.Я. ШИШКОВА («АЛЫЕ СУГРОБЫ»)¹

Дается обзор алтайских эпизодов биографии В.Я. Шишкова и мнений писателя о роли Алтая в его жизни и творческой судьбе, высказанных в эгодокументах. Реконструируется образ Алтая, созданный в рассказе «Алые сугробы» с опорой на ближайший претекст – роман А.Е. Новоселова «Беловодье». Анализируются цветовая и водная доминанты образа в амбивалентном единстве семантики жизни и смерти. Проводятся аналогии между сюжетом поиска Беловодья и историческим путем Советской России. Ключевые слова: Алтай, алтайский текст, Сибирь, сибирский текст, Беловодье, В.Я. Шишков, А.Е. Новоселов.

*Белые стоят на горизонте горы, все в вечных снегах,
Чуйские Альпы, Земли надгробие.*
В.Я. Шишков. Чуйские были [1. С. 233].

В.Я. Шишков оказался в Сибири по служебной надобности и душевному устремлению в 1894 г. С отличием окончив Вышневолоцкое техническое училище, уроженец г. Бежецка Тверской губернии пожелал служить в Томском округе путей сообщения, где была возможность совершенствоваться в профессии. Двадцать лет, проведенных на просторах Сибири, сформировали не только блестящего инженера, но и самобытного писателя.

На Алтай В.Я. Шишков впервые попал летом 1909 г. во главе экспедиции по исследованию путевых возможностей реки Бия. Летом 1910 г. изыскания были продолжены. Параллельно оформлению технической документации Шишков написал и опубликовал в томской газете «Сибирская жизнь» эмоциональную статью «Любителям

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-412-220004 и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

красот природы (р. Бия, Телецкое озеро, р. Чулышман)», в которой прославлял водную стихию и прибрежные пейзажи: «Цель настоящей заметки ознакомить публику, ищущую летнего отдыха, с этими поистине очаровательными местами» [2. С. 92]. Позднее полученные впечатления оформились в рассказ «На Бие» (1914), впервые опубликованный в «Алтайском альманахе».

Вторая экспедиция В.Я. Шишкова на Алтай, посвященная разведке оптимального маршрута Чуйского тракта, проходила в летние сезоны 1913 и 1914 гг. [3. С. 9–10]. Вновь инженерная работа совмещалась с писательской. По воспоминаниям В.П. Петрова, коллеги и друга Шишкова, тот много беседовал с алтайцами и русскими крестьянами, а по вечерам фиксировал услышанное и увиденное в тетради [4. С. 70]. Из этих заметок родились цикл очерков «По Чуйскому тракту» (1914), цикл рассказов «Чуйские были» (1918), рассказы «Страшный кам» (1919), «Алые сугробы» (1925) и др.

Недолгое пребывание на Алтае (по сравнению с двадцатилетним общесибирским сроком) тем не менее сыграло едва ли не ключевую роль в становлении личности начинающего писателя. В письме от 1925 г. Шишков приписывает «самое главное влияние <...> живой природе: Алтайским горам, рекам, тайге и, конечно, всякому народу» (цит. по: [3. С. 6]).

Трудности закаляли характер и с лихвой компенсировались достигнутой пользой. Так, в автобиографии 1925 г. о первой алтайской экспедиции Шишков вспоминал: «Работа была чрезвычайно опасная – Бия бушевала в своих многочисленных порогах, – но весь риск окупился впечатлениями: познакомился с бытом кержаков-староверов, теленгитов, калмыков, с культом шаманизма» [4. С. 19]. Аналогичная логика прослеживается в письме Г.Н. Потанину от 1913 г., где Шишков поначалу жалуется на дорожные обстоятельства по маршруту Бийск–Онгудай: «Мокрый, грязный, нырял по дорогам, по ужасным ухабам, наполненным грязью, скакал своей телегой по камням величиною с доброго барана, все бока отбил». Заканчивается же письмо на позитивной ноте: «В очень красивых местах живу, радуюсь и молюсь природе. От близости дивных красот душа чище становится, умягчается сердце, хочется добрым быть» [5. С. 294–295].

Неизменно восхищаясь видами Алтая, в письме Г.Н. Потанину от 1914 г. В.Я. Шишков признавался: «Я люблю Алтай крепко. С каждым

годом любовь моя растет. И не знаю, чем возмещу Алтаю ту радость и счастье, которыми он наделяет меня каждый день, каждую минуту. Если бы я был поэтом, я воспел бы его, я бесконечно стал бы прославлять его красу и мощь» [5. С. 293]. Действительно, в произведениях Шишкова об Алтае повсеместно звучит гимн прекрасной природе. Но поэтом он все-таки не был. Прозаическое перо по контрасту выводило сцены уродливой социальной действительности, наполненной насилием, обманом, грабежом... Сердце автора сочувственно отзывалось на несправедливости, чинимые инородцам русскими. По мнению Т.Г. Черняевой, «мотивы проданной дьяволу души, утраченной веры, предательской трусости» придают нравственно-философский смысл циклу «Чуйские были» [3. С. 29] – как, впрочем, и другим текстам на алтайском материале. Здесь попутно отметим, что в современном шишковедении изменился подход к изучению творческого наследия писателя. В его «обличительном» и «безысходном» реализме [6. С. 21] обнаружился «духовный реализм» (А.П. Черников). Это реализм «с элементами романтизма, глубоким психологизмом, религиозно-философским осмыслением бытия и патриотической направленностью» [7. С. 10]. Творчество В.Я. Шишкова «невозможно рассматривать вне его поиска истины в нравственном, онтологическом и философском планах» [Там же. С. 37].

В августе 1915 г. В.Я. Шишков навсегда покинул Сибирь, переехав в Петроград. Несмотря на физическое пребывание за пределами региона, писатель сохранил духовную связь с этим пространством. В своей автобиографии 1925–1926 гг. В.Я. Шишков вспоминал, как Г.Н. Потанин, под влиянием которого, собственно, и происходило становление писателя, упрекал его в том, что отъезд в столицу есть предательство и измена Сибири. На что Шишков отвечал, что Сибирь – «вторая моя родина, пожалуй, не менее близкая и понятная сердцу, чем Россия, что я переполнен впечатлениями, которых хватит мне на всю жизнь» [4. С. 25]. В автобиографических заметках писатель подводил итоги: «Около двадцати лучших лет моей жизни я кровно был связан с людьми и природой Сибири, тайгой, степями, величественными реками, горным Алтаем. Здесь родилось и стало крепнуть мое литературное дарование, и до сих пор я люблю возвращаться к сибирским темам» (цит. по: [8. С. 58]). Действительно, написанные уже в европейской части России повесть «Тайга» (1915),

романы «Ватага» (1923) и «Угрюм-река» (1933) посвящены сибирской тематике.

Рассказ «Алые сугробы» также был создан после отъезда писателя из Сибири, в 1925 г., и впервые напечатан в журнале «Красная новь» (1926. № 10). Повествование базировалось на традиционном для Русского Севера и Сибири сюжете поиска «земного рая» – Беловодья¹.

Легенда о Беловодье возникла на рубеже XVIII–XIX вв. в старообрядческой среде [12. С. 11]. Знаковой для Сибири тема Беловодья стала в научных и публицистических трудах областников: Г.Н. Потанина («Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении», 1864) и Н.М. Ядринцева («На обетованных землях», 1886; «Раскольничьи общины на границе Китая», 1886). Тогда же, в конце XIX в., легенда проникла в художественную литературу (И.П. Мельников-Печерский «В лесах» (1871), Д.Н. Мамин-Сибиряк «Три конца: уральская летопись» (1895) и др. [Там же. С. 327, прим. 99]). Беспрецедентный всплеск интереса к сюжету поиска Беловодья отмечен в русской литературе начала XX в. Это романы А.П. Чапыгина «Белый скит» (1913), А.Е. Новоселова «Беловодье» (1917), Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» (1 часть, 1917), очерки А.Е. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913), Г.Д. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914) и др. Примерно через десятилетие началась вторая волна – рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925), повести и романы Вс.В. Иванова «Бегствующий остров» (1925) и «Гибель Железной» (1927), А.А. Караваевой «Золотой клюв» (1925), М.П. Плотнокова «Беловодье» (1925), А.П. Платонова «Иван Жох» (1927), Е.Н. Пермитина «Капкан» (1928), Л.И. Гумилевского «Белые земли» (1930), В.Я. Зазубрина «Горы» (1933).

Специфика организации сюжета, бинарность системы персонажей и образов искомой утопической земли позволяет считать ближайшим претекстом рассказа Шишкова повесть Новоселова «Беловодье» [13]. Оба произведения, так сказать, двуцентричны: два главных героя (праведник и богатырь), два образа Беловодья (земледельческий «крестьянский рай» и сокровенная праведная земля «без греха», где «звоны слышны колокольные» [1. С. 358–359]). Сходен финал –

¹ См. имеющиеся анализы рассказа: [9–11].

Беловодье мнится найденным в предсмертном бреду (Панфил) и горячечном сновидении (Афоня), замещается реальным, близким к идеалу, но не идеальным пространством.

Тем самым, образ Алтая сформировался у Шишкова исходя не только из собственного жизненного опыта, но из опыта чтения художественного произведения, лежащего в начале литературной традиции произведений о Беловодье.

Образ Алтая у обоих авторов «свернут» в заглавия произведений. У А.Е. Новоселова Алтай и есть Беловодье. Известно, что во второй половине XVIII в. Беловодьем называли Бухтарминскую и Уймонскую долины [12. С. 307–308; 14. С. 131]. Справедливо наблюдение К.В. Анисимова, что в сознании инициатора поиска Панфила спрятана «мысль о тщетности попыток найти земной рай, о том, что подлинная идиллия уже достигнута, – и она вокруг них, живущих посреди Алтайских гор» [15. С. 242]. В рассказе В.Я. Шишкова сохраняется тот же принцип метонимического отождествления части и целого. Единоначатие слов «алый» и «Алтай» позволяет считать словосочетание «алые сугробы» эквивалентом топонима.

В заглавиях основной акцент сделан на цветовой доминанте и водной стихии пространства. Происхождение слова «Беловодье» объясняли белой окраской притоков верхней Катунь, стекающих с «белков» (горных ледников), а также белой пеной горных рек Алтая [12. С. 307]. Кроме того, начиная с XVI в. прилагательное «белый» означало «чистый, свободный от чего-либо, вольный», без податей и повинностей, ничейный [Там же. С. 311–312]. Наконец, философское прочтение белизны П.А. Флоренским позволяет понять символику Беловодья во всей его метафизической глубине: «“Белый свет” есть только обозначение света как такового, чисто аналитическое прочтение его цельности. Он <...> – полнота, в нем нет никакой односторонности, ибо всякая односторонность происходит от препятствий; нет в нем никакого ущерба, никакого ограничения» [16. С. 313]. В «сакральной географии» белизна сопрягается с божественными категориями света-сияния и святости [17. С. 66–67]. У В.Я. Шишкова «вода» претерпевает метаморфозы, превращаясь в снежные «сугробы» горных вершин. Сказочный образ изобилия – «молочные реки», движение, ток жизни – оборачивается холодной неподвижностью смерти. Неслучайно на уровне этимологии и фонетического созвучия

в слове «сугроб» отчетливо слышится «гроб» (с оттенком совместности – «су-»). В финале В.Я. Шишков высказал эту ассоциацию недвусмысленным образом: «...белый погост в горах» [1. С. 374].

Намеченное заглавием контрастное единство блага и зла, жизни и смерти разворачивается в дальнейшей характеристике Алтая. Элементы ландшафта открываются странникам не просто как природные объекты, но как проявление сверхъестественного: «...с поднебесной высоты возле самых путников грохотал осатанелый водопад. Падучая вода яростно била в камни, вся дробилась в облачную пыль, пыль взлетала туманными крыльями: вот один, вот другой крылатый призрак отделяются, тихо плывут под легким ветром, протягивают к путникам седые ласковые руки, плавно повертывают в сторону и манят за собой куда-то вдаль, в волшебную долину между гор. <...> Суровым грохотом был оглушен весь свет, от земли до солнца. От грохота колыхались горы, и, казалось Афоне, тряслась земля» [Там же. С. 348]. Переживания Афони сродни ритуальному экстазу: «Он не мог и не пытался понять, что в нем творится, он весь во власти этого дьявольского грохота, этих невиданных чудес, ему хотелось и хохотать и плакать, точно он распался надвое и обезумел. <...> его душу охватывал непереносимый трепет, тяжкая радость мешала ему дышать» [Там же. С. 348]. Созданные водой «белоснежные видения» вновь обладают амбивалентной семантикой. Переживание ландшафта у героя носит нуминозный характер¹, ибо открывает в водопаде суть искомого Беловодья – таинственной, манящей, смертельно опасной и сладостной мечты – «дьявольское Беловодье» [1. С. 349]. Эта мечта принципиально недостижима, но оттого не менее притягательна. «Смещение» искомой цели обозначено в описании маршрута Недокрытовых: на пароходе Волгой, по чугунке через Урал в Сибирь, по «речище» Обь к «горищам» – Алтаю. В с. Алтайском их отправляют по тракту в с. Онгудай, оттуда в Урянхайский край. Но и там Афоня почти находит «райскую землю»

¹ Термин Рудольфа Отто, от лат. *numen* – безличная воля или могущество богов. К.Г. Юнг и М. Элиаде прибегают к нему в описаниях архаических структур сознания. «Нуминозному <...> переживанию явление открывается не как простая физическая данность, а как вещественная манифестация сверхъестественной воли и могущества» [18. С. 65].

лишь в больном бреду, а в реальности – пусть и хорошую землю, но не Беловодье.

В заглавии рассказа Шишкова белизна сочетается с алым, ярко красным цветом. Общекультурная символика алого – кровь, средоточие жизненной силы, пламя огня, закатный или рассветный солнечный свет. Единство этих понятий для писателя отражено в психологическом параллелизме, описывающем состояния персонажа и мира: «в жилах гуляет взбудораженная кровь, в небе горит солнце» [1. С. 365], синтаксическом параллелизме: «Вся кровь ударила разом в голову, огонь метнул в глаза» [Там же. С. 373], а также в олицетворении: «кровь огнем кричит» [Там же. С. 371].

Неслучайно главным ориентиром в процессе поиска «дикивинной страны» является солнце: «все на восход, к солнцу, путь свой править» Там же. С. 342], «они все вверх, гнались за солнцем, не спустили с солнца глаз», «Долго гнались за солнцем, долго не давали ему пасть на дно» [Там же. С. 345], «Солнышко красное, укажи путину верную» [Там же. С. 360]. Символика красного в христианской культуре обозначена П.А. Флоренским как «образ Божий для твари», «явление Бога на земле» [14. С. 315]. Неслучайно, описывая, как снег на вершине далекого хребта, перевалить который собирались путники, розовел «в нежных потоках утренней зари» [1. С. 356], «все гуще алели снежные вершины» [Там же. С. 357], автор фиксирует поведение Афони: «сложил молитвенно руки», шептал: «Господи, господи, снег-то какой... красный... Так бы и погулял там» [Там же]. Ответная реплика Степана вскрывает негативную семантику алых сугробов: «Может, там смерть наша сидит» [Там же].

Знаки смерти присутствовали еще при первом описании горной панорамы, представленной в поэтическом сознании Афони в виде хребтов чудовищ: «на ободранных боках кровавые подтеки», «словно вся шкура была содрана с чудовищных хребтов до самого до мяса» [Там же. С. 346]. В дальнейшем повествовании тема крови реализуется в различных регистрах: гибель лошади, сорвавшейся в пропасть и напоровшейся на острый ствол сломанного деревца [Там же. С. 353] приводит Степана к разбойничьим замыслам: «Кровь пролью, а лошадь будут наша» [Там же. С. 355]; голодный Степан нечаянно «ударил себя топором по руке и долго сосал липкую кровь из пальца» [Там же. С. 361], а после едва удержался от самоубийства, жалея

Афону: «рука <...> выронила жадный до крови нож» [1. С. 365]; убийство лошади Степаном: «Перерезанное горло ее хрипело, хлестала кровь в подставленные ковшом пляшущие пригоршни Степана. Жадно глотал кровь, захлебываясь и урча» [Там же. С. 372] – не ради себя, но ради товарища надо набраться сил, – и жертвенный прыжок над пропастью, спасение друга ценой собственной жизни [Там же. С. 373]. Как видим, тема крови раскрывается только в связи со Степаном, функционально тождественным лошади, и в определенной динамике: от убийства через самоубийство к самопожертвованию. Так постепенно реализуется заложенная в этимологии имени Степана символика тернового венца. Пространство Алтая оказывается местом, где физические испытания преображают душу героя и создают условия для экзистенциального выбора¹. В рассказе «дорога к исполнению мечты оказывается и путем постижения своей души» [20. С. 128].

Параллельно «человеческой» теме крови продолжает раскрываться «божественная» соляная образность. Верно было первое впечатление путников: «Горный дух Алтая – человеку враг» [1. С. 349]. Пространство кружит, путает, обманывает человека. Казалось бы, герои выбрались из «тюрьмы» горных котловин [Там же. С. 347], из «колючей пасти» тайги [Там же. С. 358], добрались до вершины хребта – «белый, ослепительно сияющий погост» [Там же. С. 369]. Вечером «все заалело кругом» [Там же. С. 370], но, в отличие от крови, солнечный свет не несет тепла и равнодушен к человеку: «Алые снега и небо вслушивались в человеческую речь, но были спокойны, холодны» [Там же. С. 371]. Спасение приходит не от прекрасной природы, не от могучих потусторонних сил, а от маленького человека, готового погибнуть из любви и жалости к ближнему.

Заглавие «Алые сутробы» вызывает ассоциации со сказкой «Аленький цветочек», а также с исторически и тематически близкой рассказу повестью А.С. Грина «Алые паруса» (1922), также посвященной достижению некой мечты благодаря любви и воле человека.

¹ Подобная логика движения героев «от тьмы преисподней к свету» организует сюжет повести В.Я. Шишкова с симптоматичным названием «Странники». Там также имеется эпизод мученической смерти персонажа ради спасения другого по евангельской заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 13) [19. С. 119, 127].

Казалось бы, финал произведения Шишкова гораздо трагичнее: гибнет человек, но в смерти своей он «взвился над провалищем» [1. С. 373], через самопожертвование реализовал свое самое высокое предназначение. Оба главных героя – Недокрытовы из села Некрытова, т.е. принадлежат к одному роду. Для патриархального сознания гибель одного из членов общины, спасительная для ее будущего, есть не трагедия, но благо. Исторический контекст (1920-е гг.), социальная стратегия государства (строительство утопического общества), политические коннотации цвета (алый стяг, красная армия, белогвардейцы) – все эти обстоятельства делают возможным прочтение словосочетания «алые сугробы» не только как образ Алтая, но и как символ России. Путь к идеальному миру Беловодья, исполненный голодом, страданием, болью, смертью, подвигом, метафорически соотносится с трудным путем, которым шла молодая Советская Россия.

Литература

1. *Шишков В.Я.* Чуйские были. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. 496 с.
2. Вячеслав Яковлевич Шишков: биобиблиогр. указ.: (к 120-летию со дня рождения) / сост. А.В. Яковенко. Томск: ТОУНБ им. А.С. Пушкина, 2008. 219 с.
3. *Черняева Т.Г.* Вячеслав Шишков и Алтай // Книга и чтение: жизнь и творчество В.Я. Шишкова. Барнаул: АКУНБ, 2009. С. 9–39.
4. Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1987. 389 с.
5. Неопубликованные письма В.Я. Шишкова к Г.Н. Потанину // Алтай. 1957. № 10. С. 291–295.
6. *Яновский Н.Н.* Вячеслав Шишков: очерк творчества. М.: Худож. лит., 1984. 270 с.
7. *Редькин В.А.* Вячеслав Шишков: новый взгляд. Очерк творчества В.Я. Шишкова. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999. 152 с.
8. *Бахметьев В.М.* Вячеслав Шишков: жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1947. 196 с.
9. *Беломятцева Л.А.* Рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы» // Книга и чтение: жизнь и творчество В.Я. Шишкова. Барнаул: АКУНБ, 2009. С. 58–63.
10. *Леваишова О.Г., Черняева Т.Г., Никитина М.Г.* Творчество В.Я. Шишкова и Сибирь // История Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. Ч. 1. С. 408–418.
11. *Носова О.А.* Образ Алтая в «Алых сугробах» В.Я. Шишкова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. Вып. 5. С. 98–100.
12. *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.

13. Новоселов А.Е. Беловодье // Образ Алтая в русской литературе. Барнаул: ИД Барнаул, 2012. С. 84–158.
14. Покровский Н.Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Наука, 1980. С. 115–133.
15. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
16. Флоренский П.А. Небесные знамения (размышления о символике цветов) // Флоренский П.А. Иконостас: избранные труды по искусству. СПб.: Русская книга, 1993. С. 307–316.
17. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2004. 272 с.
18. Абаишев В.В. Русская литература Урала: проблемы геопоэтики. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2012. 140 с.
19. Габдуллина В.И., Изранова Е.В. Библейская символика в повести В.Я. Шишкова «Странники» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 1. С. 119–133.
20. Орлова Е.А. «Африка» Е.И. Замятина и «Алые сугробы» В.Я. Шишкова: поиск мечты как форма познания души // Наследие В.Я. Шишкова: феноменология творчества (к 135-летию со дня рождения В.Я. Шишкова) / науч. ред. В.А. Редькина. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2010. С. 127–131.

ALTAI IN THE BIOGRAPHY AND LITERARY WORKS OF VYACHESLAV SHISHKOV (SCARLET SNOWDRIFTS)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2020, 13, pp. 128–140. DOI: 10.17223/24099554/13/8

Tatiana A. Bogumil, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: tbogumil@mail.ru

Keywords: Altai, Altai text, Siberia, Siberian text, Belovodie, Vyacheslav Shishkov.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Government of the Altai Territory Grant No. 18-412-220004 “Altai in the Domestic Literature of the 20th–21st Centuries: Cultural and Tourist Potential”.

The article gives an overview of the Altai episodes of the biography of Vyacheslav Shishkov, as well as an overview of the writer’s opinions about the role of Altai in his life and creative destiny. They were expressed in egodocuments. Shishkov was in Altai in the summers of 1909 and 1910. He headed an expedition to explore the travel potential of the Biya River. His second expedition to Altai was in the summers of 1913 and 1914. It was devoted to the exploration of an optimal route for the Chuya Highway. Shishkov combined engineering work and writing. The story “On the Biya”

(1914), a cycle of essays *Along the Chuya Highway* (1914), a cycle *True Tales of Chuisk* (1918), the stories “Fearsome Kam” (1919), “Scarlet Snowdrifts” (1925) were based on diary notes. The short stay in Altai played almost a key role in the development of the personality of a novice writer. Shishkov wrote about this in his letters and autobiographies. The story “Scarlet Snowdrifts” was written after the writer’s departure to Petrograd, in 1925. The article reconstructs the image of Altai created in the story with the support of the closest pretext, the novel *Belovodie* by A.E. Novoselov. Both works are two-centered: two main characters (the righteous and the hero), two images of Belovodie (the agricultural “peasant paradise” and the sacred, righteous land). The end is similar, too. Belovodie is thought to be found in delirium, and is also replaced by a real, close to ideal, yet not perfect space. The image of Altai is concealed in the titles of the both works. In Novoselov, Altai is Belovodie. Shishkov’s phrase “scarlet snowdrifts” is an equivalent of the toponym. The main emphasis in the titles is on the color dominant and the water element of the space. The analysis showed that both white and red colors and a change in the aggregative state of water (turning into snow) represent the semantics of the ambivalent unity of life and death. Elements of the landscape open to wanderers not just as natural objects, but as a manifestation of the supernatural. The character’s experience of the landscape is a numinous one because it opens up the essence of the desired Belovodie, a mysterious, alluring, deadly and sweet dream, in the waterfall. The general cultural symbolism of the scarlet is blood, the center of vitality, the flame of fire, sunset or dawn sunlight. The sun is the main reference point in the search for the wonderland. The topic of blood is revealed in connection with Stephan and develops from murder through suicide to self-sacrifice. The space of Altai turns out to be a place where physical trials transform the character’s soul and create conditions for an existential choice. The salvation comes neither from nature, nor from the mighty otherworldly forces. It comes from a little man who is ready to perish because of his love and pity for his neighbor. The title “Scarlet Snowdrifts” evokes associations with Alexander Green’s story “Scarlet Sails” (1922), which also tells about achieving a certain dream thanks to the love and will of man. The historical context (the 1920s), the social strategy of the state (building a utopian state), the political meaning of color (the scarlet flag, the Red and White Armies) make it possible to read the phrase “scarlet snowdrifts” not only as an image of Altai, but also as a symbol of Russia. The path to the ideal Belovodie, filled with hunger, suffering, pain, death, feat, is metaphorically related to the difficult path that young Soviet Russia has taken.

References

1. Shishkov, V.Ya. (1986) *Chuyskie byli* [True Tales of Chuisk]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
2. Yakovenko, A.V. (2008) *Vyacheslav Yakovlevich Shishkov: biobibliogr. ukaz.: (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Vyacheslav Yakovlevich Shishkov: Biobibliography Index: (On the Occasion of the 120th Birthday)]. Tomsk: TOUNB im. A.S. Pushkina.

3. Chernyaeva, T.G. (2009) Vyacheslav Shishkov i Altay [Vyacheslav Shishkov and Altai]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *Kniga i chtenie: zhizn' i tvorchestvo V.Ya. Shishkova* [Book and Reading: Life and Work of V.Ya. Shishkov]. Barnaul: AKUNB. pp. 9–39.

4. Yanovskiy, N.N. (1987) *Vyacheslav Shishkov v vospominaniyakh sovremennikov* [Vyacheslav Shishkov in the Memoirs of Contemporaries]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.

5. Altay. (1957) Neopublikovannye pis'ma V.Ya. Shishkova k G.N. Potaninu [Unpublished Letters from V.Ya. Shishkov to G.N. Potanin]. 10. pp.291–295.

6. Yanovskiy, N.N. (1984) *Vyacheslav Shishkov: ocherk tvorchestva* [Vyacheslav Shishkov: An Essay on Work]. Moscow: Khudozh. lit.

7. Red'kin, V.A. (1999) *Vyacheslav Shishkov: novyy vzglyad. Ocherk tvorchestva V.Ya. Shishkova* [Vyacheslav Shishkov: A New Look. Essay on the Work of V.Ya. Shishkov]. Tver: Tver. obl. kn.-zhurn. izd-vo.

8. Bakhmet'ev, V.M. (1947) *Vyacheslav Shishkov: zhizn' i tvorchestvo* [Vyacheslav Shishkov: Life and Work]. Moscow: Sovet. pisatel'.

9. Belomytseva, L.A. (2009) Rasskaz V. Ya. Shishkova “Alye sugroby” [V.Ya. Shishkov's Short Story “Scarlet Snowdrifts”]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *Kniga i chtenie: zhizn' i tvorchestvo V.Ya. Shishkova* [Book and Reading: Life and Work of V.Ya. Shishkov]. Barnaul: AKUNB. pp. 58–63.

10. Levashova, O.G., Chernyaeva, T.G. & Nikitina, M.G. (1995) *Tvorchestvo V.Ya. Shishkova i Sibir'* [Shishkov's Works and Siberia]. In: Kiryushin, Yu.F. et al. *Istoriya Altaya* [History of Altai]. Pt. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 408–418.

11. Nosova, O.A. (2013) Obraz Altaya v “Alykh sugrobakh” V.Ya. Shishkova [The Image of Altai in “Scarlet Snowdrifts” by V.Ya. Shishkov]. In: Grebneva, M.P. (ed.) *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai Text in Russian Culture]. Is. 5. Barnaul: Altai State University. pp. 98–100.

12. Chistov, K.V. (2003) *Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian Folk Utopia (Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

13. Novoselov, A.E. (2012) Belovod'e [Belovodie]. In: Kuluapin, A.I. (ed.) *Obraz Altaya v russkoy literature* [Image of Altai in Russian Literature]. Barnaul: ID Barnaul. pp. 84–158.

14. Pokrovskiy, N.N. (1980) K postanovke voprosa o belovodskoy legende i bukhtarminskikh “kamenshchikakh” v literature poslednikh let [On the Belovodie Legend and Bukhtarma “Masons” in Recent Literature]. In: *Obshchestvennoe soznanie i klassovye otnosheniya v Sibiri v XIX–XX vv.* [Public Consciousness and Class Relations in Siberia in the 19th–20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 115–133.

15. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of Poetics of Siberian Literature of the 19th – Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.

16. Florenskiy, P.A. (1993) *Ikonostas: izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis: Selected Works on Art]. St. Peterburg: Russkaya kniga. pp. 307–316.

17. Terebikhin, N.M. (2004) *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangel'sk: Pomor State University.

18. Abashev, V.V. (2012) *Russkaya literatura Urala: problemy geopoetiki* [Russian Literature of the Urals: Problems of Geo-Poethics]. Perm: Perm State University.

19. Gabdullina, V.I. & Izranova, E.V. (2017) Biblical Symbolism in the Novel “The Wanderers” by V.Y. Shishkov. *Problemy istoricheskoy poetiki – Problems of Historical Poetics*. 15 (1). pp. 119–133. (In Russian).

20. Orlova, E.A. (2010) “Afrika” E.I. Zamyatina i “Alye sugroby” V.Ya. Shishkova: poisk mecht'y kak forma poznaniya dushi [“Africa” by E.I. Zamyatin and “Scarlet Snowdrifts” by V.Ya. Shishkov: The Search for Dreams as a Form of Cognition of the Soul]. In: Red'kina, V.A. (ed.) *Nasledie V. Ya. Shishkova: fenomenologiya tvorchestva (k 135-letiyu so dnya rozhdeniya V.Ya. Shishkova)* [Heritage of V.Ya. Shishkov: The Phenomenology of Creativity (On the 135th Birthday of V.Ya. Shishkov)]. Tver: Tver State University. pp. 127–131.